

Славяноведение, 2025, № 2, с. 50–58

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 2, pp. 50–58

DOI: 10.31857/S0869544X25020049, EDN: IZIGFO

Оригинальная статья / Original Article

Шляхта Великого княжества Литовского и Контрреформация в начале второго десятилетия XVII века

© 2025 г. Б.Н. Флоря

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ritlen@mail.ru

Аннотация. Одним из проявлений наступления Контрреформации в Речи Посполитой стали в конце XVI – раннем XVII в. настойчивые попытки католиков добиться ликвидации протестантских «зборов» в крупных городских центрах Польско-Литовского государства. Имели место неоднократные нападения городского населения на протестантские храмы и их погромы. Наказаниям их участников препятствовала, поддерживавшая политику Контрреформации, государственная власть. Анализ ряда текстов, появление которых связано с нападением на протестантский храм в Вильно в 1611 г., позволяет говорить о сильной негативной реакции широких кругов шляхты Великого княжества Литовского на действия сторонников Контрреформации. Некоторые особенности имеющихся свидетельств говорят о более сильных позициях протестантизма в Великом княжестве по сравнению с Польшей.

Ключевые слова: сторонники Контрреформации, протестантская католическая шляхта, терпимость и межконфессиональный мир, нетерпимость.

Ссылка для цитирования: Флоря Б.Н. Шляхта Великого княжества Литовского и Контрреформация в начале второго десятилетия XVII века // Славяноведение. 2025. № 2. С. 50–58. DOI: 10.31857/S0869544X25020049, EDN: IZIGFO

Szlachta of the Grand Duchy of Lithuania and the Counter-Reformation at the Beginning of the Second Decade of the 17th Century

© 2025. Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ritlen@mail.ru

Abstract. One of the manifestations of the advance of the Counter-Reformation in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the late 16th – early 17th centuries were persistent attempts by Catholics to liquidate Protestant «zbors» in large urban centers of the Polish-Lithuanian Commonwealth. There were repeated attacks by the urban population on Protestant churches and their pogroms. Punishments of their participants were prevented by the state authorities, who supported the policy of the

Counter-Reformation. The analysis of a number of texts, the appearance of which is associated with the attack on the Protestant church in Vilna in 1611, suggests a strong negative reaction of the broad circles of the szlachta of the Grand Duchy of Lithuania to the actions of supporters of the Counter-Reformation. Some features of the available evidence indicate a stronger position of Protestantism in the Grand Duchy compared to Poland.

Keywords: supporters of Counter-Reformation, protestant and catholic szlachta, tolerance and peace between confessions, intolerance.

For citation: Boris N. Florya. Szlachta of the Grand Duchy of Lithuania and the Counter-Reformation at the Beginning of the Second Decade of the 17th Century // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2025. No. 2. P. 50–58. DOI: 10.31857/S0869544X25020049, EDN: IZIGFO

В истории межконфессиональных отношений в Польско-Литовском государстве конец XVI – первая половина XVII в. выделяются как период, когда усилились позиции сторонников Контрреформации, стремившихся утвердить в этом государстве только одну – католическую – религию, что вызвало сильное сопротивление сторонников других христианских конфессий, добивавшихся сохранения прокламированного во второй половине XVI в. религиозного мира. В разных регионах Польско-Литовского государства и соотношения борющихся сил, и их поведение имели свои особенности.

Как отметил известный исследователь судеб протестантизма в Великом княжестве Литовском М. Косман, в первой половине XVII в. позиции протестантизма здесь были гораздо более прочными, чем на польских землях [Kosman 1978, 37–38, 107–108, 112–113]. Эту точку зрения разделяли и другие исследователи [Wasilewski 1974, 123–124].

Действительно, соглашение об установлении в Речи Посполитой межконфессионального мира – Варшавскую конфедерацию – публично отверг в 1577 г. польский католический епископат в решениях созванного в Петрокове синода, в то время как в 1587 г. текст конфедерации был внесен в свод законов Великого княжества – III Литовского статута при участии местных католических епископов [Wasilewski 1974, 119].

Как представляется, определенный ответ на причины очевидных различий может дать разбор ряда текстов, связанных с событиями, происходившими в Вильно в 1611 г.

Одним из проявлений наступления Контрреформации в Речи Посполитой стали в конце XVI – раннем XVII в. настойчивые попытки католиков добиться ликвидации протестантских «зборов» в крупных городских центрах Польско-Литовского государства¹. Имели место неоднократные нападения городского населения на протестантские храмы и их погромы. Наказаниям их участников препятствовала, поддерживавшая политику Контрреформации, государственная власть. Участники погромов принадлежали к двум разным слоям городского населения. Один представляли студенты учебных учреждений, организованных иезуитами – главной силы Контрреформации. Под воздействием услышанного, они проникались враждебностью к еретикам и готовностью к физическому насилию по отношению к ним. Вместе со студентами в

¹ Нападениям подвергались в первой четверти XVII в. «зборы» в Кракове и в Познани, Люблине [Kosman 1978, 94–96].

нападениях участвовал городской плебс. Эта часть общества не была затронута новыми культурными веяниями и находилась под воздействием средневековых представлений о еретиках и тем, как с ними следовало обращаться. В их среде также было велико влияние иезуитов благодаря устройству ими для поддержки малоимущих беспроцентных ссуд.

Среди других центров в 1611 г. подвергся погрому кальвинистский «збор» в столице Великого княжества Литовского — Вильне. Столкновения на улицах между жителями — католиками и протестантами — привели к массовому нападению на «збор», один из протестантских министров был убит, «збор» — разграблен и сожжен [Wisner 1982, 92–93]. События эти привели к появлению ряда текстов, анализ которых дает возможность судить о характере отношений католиков и протестантов в Великом княжестве Литовском в начале второго десятилетия XVII в.

Косвенное, но важное свидетельство о реакции дворянского общества Великого княжества на происшедшие события содержит пространное объяснение происшедшего, данное католиком, приверженцем Контрреформации².

Объяснение автора открывается утверждением, что католическое духовенство не побуждало жителей Вильно к погрому и не несет за происшедшее никакой ответственности³. Заканчивался текст еще более решительным заявлением, что католические священнослужители осуждают такие действия и просят «уряды» наказать «своевольных» людей⁴.

По мнению автора, в происшедшем виновны сами протестанты, которые нападали на людей, возвращающихся с процессии, и, работая в праздник Богоматери, «*prostą niewiastą zwali*» («называли ее обычной женщиной») ⁵. После этого простые люди не выдержали, напали на «збор» и «*palili całą noc i nazajutrz aż z południa*» («жгли его всю ночь и следующий день до полудня»). Все это «*chłopów dużych i śmiałych [...] robota*» («было делом рук сильных и смелых селян»). Студентов в волнениях участвовало мало «*i z drobnych dzieci mało nie wszyscu*» («а также практически вся детвора») ⁶, т.е. тоже дети простых людей.

Что же касается католических священнослужителей, то они плачут, молчат, терпят, ожидая, когда протестанты опомнятся, общаются с ними с христианской «ласковостью», но они пренебрегают покорностью и терпеливостью католиков⁷.

В этой защите католических священнослужителей, даже ограничиваясь самым текстом автора, нетрудно отметить слабые места. По его собственным утверждениям, погром «збора» продолжался много часов, но он не написал ни слова о каких-либо попытках священнослужителей прекратить такие действия.

Что побуждало католическое духовенство отмежевываться от всякого участия в происшедшем? Об этом ясно говорится в протестантском ответе на католическое объяснение⁸. Там отмечено, что ответственность за случившееся на «римских» духовных лиц и их учеников возлагают не только протестанты, но и большая часть людей «*rzymskiego nabożenstwa*» («римского обряда») ⁹.

² Публ. М. Косман в [Kosman 1978, 137–144]. Подробного анализа текста в книге нет.

³ Ibid., 137.

⁴ Ibid., 144.

⁵ Ibid., 138.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., 143.

⁸ Текст ответа также опубликован М. Косманом — Zbór wileński ewangelicki 149 in. (Анализа и этого текста в работе нет).

⁹ Ibid., 145.

Это утверждение протестантского автора может быть подкреплено свидетельствами ряда других источников. С этой точки зрения серьезный интерес вызывают некоторые особенности первой протестантской реакции на события — обращение к протестантам Великого княжества дворянского политика Петра Кохлевского, близкого к протестантскому магнату К. Радзивиллу — «*Pobożnego ewangelika do bracię tego ż wyznania [...] przestroga i upominanie*» («Благочестивого евангелиста своим братьям по вере [...] предупреждение и напоминанием») ¹⁰.

Порицая нападение на виленский «збор», который разграбили и сожгли, он предлагал своим собратиям искать пути сотрудничества с католической шляхтой, убедить ее в справедливости протестантских требований установления межконфессионального мира ¹¹. Он предлагал созвать съезд, чтобы договориться, как обратиться к дворянским собраниям — сеймикам, которые соберутся перед созывом общегосударственного парламента — сейма, чтобы они приняли нужные решения ¹². Так, по-видимому, и поступили, и это дало положительные результаты. Сохранились инструкции ряда дворянских собраний августа 1611 г., которые требовали судить и наказывать участников нападения на «збор». В инструкции шляхты Жемайтии предлагалось наказать не только участников нападения, но и тех, кто побудил их к действиям [Wisner 1982, 93–95].

Как бы в ответ на вопросы о виновниках, протестантский оппонент католического автора указал на католическую проповедь, прочитанную при взятии Смоленска поляками, содержавшую призыв: «*wygubcie to heretictwo i te postanowioną synagogę*» («уничтожьте эту ересь и эту построенную синагогу»), т.е. «збор». Разве это не было «*pobudką do zburzenia*» («сигналом к уничтожению») ¹³? На сейме 1613 г. литовские послы совместно выступили с требованием наказания виновных [Korolko 1974, 105].

Все эти данные рисуют достаточно однозначную картину. Собранные исследователями данные говорят о происходившем уменьшении количества протестантских «зборов» в Великом княжестве в связи с переходом их патронов в католицизм [Kosman 1978, 36–39, 108]. Однако это обращение не вело к разрыву их связей с дворянами — носителями протестантских конфессий. Дворяне-католики и в начале XVII в. во многом оставались приверженцами межконфессионального мира в своей среде и были безусловно враждебны к выступлениям «простого» населения, нарушавшего порядок.

Это заставило приверженца Контрреформации говорить о приверженности католического духовенства к сохранению межконфессионального мира и о его отрицательном отношении к актам насилия.

Такая реакция, однако, была во многом вынужденной и скрывала истинные взгляды автора, о чем говорит его выступление о соглашении, устанавливавшем в Речи Посполитой межконфессиональный мир — Варшавский конфедерации 1573 г., запрещавшей акты насилия в отношениях между приверженцами разных христианских конфессий. Автор утверждал, что конфедерация полна «*nieżbożności i nierozumu [...] i ateizmu*» («нечестивости и неразумия [...], и атеизма»), «*od duchowieństwa wszystkiego wyklęta*» («она была проклята всем духовенством») и не одобрена «станами коронными» ¹⁴. Так автор недвусмысленно давал понять, что иноверцы не могут рассчитывать на правовую защиту. Но в

¹⁰ Публикация этого текста см. (Tichy, 173–175). См. также [Trawicka 1969, 143–144].

¹¹ Tichy, 174.

¹² Ibid., 175.

¹³ Zbór wileński ewangelicki, 148.

¹⁴ Zbór wileński, 140.

Великом княжестве таких утверждений, чтобы убедить читателя, было явно недостаточно. Автор умолчал, что там положение в этом отношении было иным. Если в Польше большая часть католических епископов отказалась одобрить текст конфедерации, и это позволяло заявлять о незаконности этого акта, то в Великом княжестве текст конфедерации был включен в состав свода законов — III Литовского Статута, одобренного наряду с магнатами и шляхтой — католическими епископами¹⁵. У литовской шляхты вряд ли могло встретить положительный отклик предложение предпочесть польские нормы права своему своду законов.

В протестантском ответе отмечалось, что автор-католик отвергает конфедерацию, так как хочет погромов и кровопролития, «*pokój pospolity w niewiecz obrócić*» («уничтожить совершенно мир в обществе»)¹⁶. Эти аргументы, как представляется, находили отклик дворян-участников сеймиков, добивавшихся наказания участников погрома. Они влияли не только на протестантов. В протестантском ответе указывалось, что сами [...] римские католики указывают на своих духовных лиц, что они служат «*przyczyną spalenia zboru*» («подстрекателями поджога храма»)¹⁷. Но речь шла и о непосредственном их участии в событиях. Как указывалось в протестантском ответе, молоты, которыми разбивали стены «збора», были туда доставлены из коллегии иезуитов¹⁸.

Автор католического объяснения, осуждая акты насилия, одновременно старался убедить читателя, что существованию протестантских «зборов» в королевских городах должен быть положен конец. Апеллируя к привязанности дворянства к сохранению мира и порядка, он доказывал, что и те, и другие нарушают деятельность «зборов». Критика протестантами учения и устройства католической церкви ведет к нарушению межконфессионального мира, а общественный порядок нарушается тем, что благодаря им в городской жизни присутствуют «нидерландские секты», «*na pany swoje burzliwe*» («недовольные своими господами»)¹⁹. Католический автор выдвинул ряд положений, которые должны были убедить читателя в незаконности самого существования «збора» в королевском городе. «Збор» в Вильно был устроен несмотря на то, что его запретил строить виленский епископ Валериан (Протасевич) и королевские мандаты. Протестантские шляхтичи не разрешают строить костелы в своих имениях, а король-католик должен терпеть основанный в его городе без санкции власти «збор».

Особенностью данного сочинения является то, что этот незаконный «збор» противопоставляется храмам других конфессий, в том числе и нехристианских. О «русских» (т.е. православных) жителей Вильно автор написал, что они не приносят вреда католической вере, многие из них приняли унию и они без королевского разрешения не строят ни одной церкви. Евреи и татары так же строят свои храмы по королевскому разрешению. Евреи не нападают на христианскую церковь, татары «*dusz chreścijańskich nie zwodzą*» («не обманывают христианские души»), а протестанты самовольно организуют «зборы», которые приносят вред²⁰. Тем самым читателю внушалось, что у государственной власти есть законные основания положить конец существованию таких незаконных протестантских «зборов».

¹⁵ Статут Вялікага Княжства Літовскага 1588, 113; [Wasilewski 1974, 119].

¹⁶ Zbór wileński ewangelicki, 154.

¹⁷ Ibid., 158.

¹⁸ Ibid., 147.

¹⁹ Zbór wileński, 139.

²⁰ Ibid., 139–140.

Важная деталь показывает, к какой среде обращается автор и на кого рассчитаны его аргументы. Он доказывает, что протестантские «зборы» строит в Вильне и содержит не шляхта, а иностранцы, немецкие и голландские купцы, которые разоряют местных литовских купцов, «*litewski naród z miasta wyciskają*» («вытесняют литовский народ из города») ²¹.

Очевидно, что автор обращается к дворянской среде — к католической шляхте. Объем затраченных им усилий говорит о том, что в этой среде возможность для протестантов иметь в городах свои «зборы», видимо, не вызывала сомнений, и приходилось тратить усилия, чтобы их убедить в том, что это купеческие заведения, закрытие которых не нанесет ущерба дворянским «вольностям».

Характерно при этом, что добиться нужного результата автору удалось лишь благодаря фальсификации фактов. В Вильне действительно существовал на улице Немецкой, основанный в 1556 г. лютеранский «збор», обслуживавший потребности немецких мещан города, принадлежавших к верхнему слою городской общины [Kosman 1978, 77]. Но с кальвинистским «збором» в Вильно, который подвергся разгрому, дело обстоит иначе. Правда, по ходатайству виленского епископа Стефан Баторий мандатом 27 марта 1577 г. запретил устраивать в городе «збор» ²². Однако в 1579 г. такое разрешение от короля было получено ²³. «Збор» этот организовали не иноземные купцы, а протестантская знать Великого княжества во главе с его первым светским сенатором — воеводой виленским и великим гетманом М. Радзивиллом Рыжим. Он купил «тот двор», в котором был устроен «збор». Такие особенности разобранного выше повествования позволяют предполагать, что сочинение адресовывалось провинциальной дворянской среде, незнакомой с положением дел в столице Великого княжества.

Автор протестантского ответа сумел легко опровергнуть утверждение католика, показав, что «збор», подвергшийся разгрому, устроила шляхта за свой счет и на своей земле, а на него был получен привилей Батория ²⁴.

Характерная черта католического сочинения состоит в том, что автор стремился не допустить не только существования в городах протестантских «зборов», но и вообще возможности совершать здесь протестантское богослужение. Он доказывал, что без санкции королевской власти шляхтичи не могут держать в своих городских дворах «еретических министров» ²⁵. Разумеется, в протестантском ответе подчеркивалось, что это является правом шляхты — государственной властью обеспечено ее право — «*nabożeństwa swego zażywać*» («исповедывать свою религию»), почему «*wolnej szlachcie wolności swej zażywać nie wolno*»? («свободное дворянство не может пользоваться своей вольностью») ²⁶. Характерно, что в полемике о протестантском богослужении в городе ее объектом стала дворянская усадьба. Это показывает, что в силу особенностей социальной организации общества Великого княжества местное протестантское мещанство не могло серьезно влиять на судьбу протестантского богослужения в своем городе.

Как известно, особенностью данного периода в истории межконфессиональных отношений была постоянная поддержка королевской властью

²¹ Ibid., 141.

²² Акты, № 1.

²³ Археографический сборник, № 29.

²⁴ Zbór wileński ewangelicki, 151.

²⁵ Zbór wileński, 140–141.

²⁶ Zbór wileński ewangelicki, 153, 157.

приверженцев Контрреформации. По отношению к рассматриваемому вопросу это проявлялось в попытках освободить от наказаний участников погромов. Автор протестантского ответа имел основания утверждать, что участники погромов действуют так вызывающе, потому что за их поступки им «*nic złęgo stać się nie ma*» («ничего не грозит»), грабителей и убийц освободят²⁷. По отношению к «старшим» над студентами утверждали, что они не подчиняются «светской справедливости»²⁸. Но и «простых» участников событий стремились освободить от ответственности.

Все это показывает многие черты сходства с позицией сторонников Контрреформации и противостоявшей им шляхты разных конфессий в Польском королевстве начала 90-х годов XVI в. и в Великом княжестве Литовском в начале второго десятилетия XVII в. Вместе с тем свидетельства о соотношении борющихся говорят об определенной разнице положения в Польском королевстве и в Великом княжестве Литовском.

Различия эти проявились уже в начале 90-х годов XVI в. Тогда, как известно, польская шляхта собиралась на съезды, добиваясь наказания виновных, но не смогла этого добиться. Иначе положение сложилось в Великом княжестве, где съезды не собирались, так как верховный выборный орган судебной власти в Великом княжестве – Трибунал провел судебное расследование. Идеолог Контрреформации П. Скарга с беспокойством писал, что при этом были приведены к присяге 3 тыс. католиков [Korolko 1974, 191]. Когда было установлено, что участниками волнений были студенты иезуитских учебных заведений, Трибунал потребовал от администратора виленского епископства Б. Войны (виленская кафедра была в это время вакантной) представить их в суд для наложения на них наказаний. Б. Война отказался это сделать и тогда был приговорен сначала к штрафу, а затем к изгнанию [Korolko 1974, 191; Kosman 1978, 88]. Король добился отмены этих решений, но само их появление – показатель.

После нападения на виленский «збор» в 1611 г. нападение осудили главные католические магнаты Великого княжества М. Радзивилл Сиротка и Лев Сапега. Трибунал снова провел расследование, установил вину ряда мещан и потребовал от городских властей их выдачи. Власти обратились к королю, который отменил декрет Трибунала [Wasilewski 1974, 122–123].

Такие действия власти вызвали отрицательную реакцию шляхты, заинтересованной в сохранении межконфессионального мира и недовольной ограничением компетенции своего выборного судебного органа. В инструкции сеймика полоцкой шляхты, собравшейся перед сеймом 1611 г., избранным послам рекомендовалось выступить на сейме с требованием не нарушать декретов Трибунала [Wisner 1982, 94–95]. И действительно, на сейме литовские послы добились, чтобы «*pożwy nadworne*» («иски в королевский суд»), отменявшие декрет Трибунала, были «*zniesione*» («отменены»), а нарушители осуждены [Kosman 1978, 115–116]. В итоге после ряда проволочек была создана комиссия во главе с литовским канцлером Л. Сапегой и кальвинистом К. Дорогостайским, которая осудила виновных [Kosman 1978, 116; Wisner 1982, 95]. Разгромленный «збор» был восстановлен и продолжал функционировать. Когда в 1623 г. произошло нападение студентов иезуитских учебных заведений на «збор» в Вильне, ряд студентов арестовали и о их судьбе виленскому епископу О. Воловичу пришлось договариваться со светским главой кальвинистов К. Радзивиллом [Kosman 1978, 91–92].

²⁷ Ibid., 148–149.

²⁸ Ibid., 149.

Значение этих свидетельств не только в том, что высший дворянский выборный судебный орган Великого княжества Литовского – Трибунал в начале XVII в. не находился в руках сторонников Контрреформации. Сами решения Трибунала говорят, что шляхта избирала для участия в его деятельности людей, заинтересованных в сохранении межконфессионального мира. Если главному идеологу Контрреформации придворному проповеднику Сигизмунда III Петру Скарге в начале 90-х годов XVI в. приходилось убеждать польскую шляхту разных конфессий в мирных намерениях католического духовенства, то уже в XVII в. он не находил нужным убеждать в этом своего читателя. Его литовскому коллеге приходилось и в XVII в. так поступать.

Такие особенности межконфессиональных отношений в Великом княжестве Литовском, как представляется, находят объяснения в его историческом прошлом.

Сказывалось воздействие исторических традиций длительного мирного сосуществования разных христианских конфессий (католической и православной) в Великом княжестве, когда дворянство разных христианских конфессий пользовалась одинаковыми правами. С началом Реформации такая практика просто распространилась на новые христианские общности. Соответствующие представления и связанная с ними практика сосуществования стали, как представляется, здесь особенно серьезным препятствием для проповеди иезуитами религиозной нетерпимости. Проповедь эта имела определенный успех, о чем говорит участие учеников виленской коллегии иезуитов в погроме протестантского храма, но далеко не сразу такие настроения удалось внушить основной массе представителей дворянского сословия в Великом княжестве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов, т. VIII, Вильно, 1875. 761 с.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильно, 1867. Т. 3. 365 с.

Статут Вялікага Княства Літоўскага, 1588. Тэксты Даведнік Каментарыі. Мінск: Беларуская Савецкая энцыклапедыя, 1989. 573 с.

Tichy J. Dwa pisemka ulotne o sytuacji polskiego protestantyzmu w dwudziestych latach XVII wieku // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, t. V, Warszawa: PWN, 1960, s. 173–184.

Zbór wileński // *Kosman M.* Protestanci i Kонтрреформacja z dziejow tolerancji w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1978, s. 137–144.

Zbór wileński ewangelicki // *Kosman M.* Protestanci i Kонтрреформacja z dziejow tolerancji w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1978, s. 145–162.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Korolko V. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji warszawskiej w latach 1573–1658. Warszawa: PAX 1974. 426 s.

Kosman M. Protestanci i Kонтрреформacja z dziejów tolerancji w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1978. 172 s.

Trawicka Z. Działalność polityczna i reformacyjna Piotra Kochlewskiego // *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. Warszawa: PWN, 1963. Т. 8. S. 125–148.

Wasilewski T. Tolerancja religijna w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVII w. // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. Wrocław: PWN, 1974. Т. XIX. S. 117–128.

Wisner H. O tumultach // *Rozróżnieni w wierze: szkice z dziejów Rzeczypospolitej schyłku XVI i połowy XVII wieku*. Warszawa: Książka i wiedza, 1982. S. 92–95.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2024

Рукопись принята к печати 15.04.2024

REFERENCES

- Korolko V. *Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji warszawskiej w latach 1573–1658*. Warszawa, PAX Publ., 1974, 426 p.
- Kosman M. *Protestanci i Kontrreformacja z dziejów tolerancji w Rze-czypospolitej XVI–XVIII w.* Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich Publ., 1978, 172 p.
- Trawicka Z. Działalność polityczna I reformacyjna Piotra Kochlewskiego. *Odrodzenie I reformacja w Polsce*. Warszawa, PWN, 1963, t. 8, pp. 125–148.
- Wasilewski T. Tolerancja religijna w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVII w. *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. Wrocław, PWN, 1974, t. XIX, pp. 117–128.
- Wisner H. O tumultach. *Rozróżnieni w wierze: szkice z dziejów Rzeczypospolitej schyłku XVI i połowy XVII wieku*. Warszawa, Książka i wiedza Publ., 1982, pp. 92–95.

Received on 10.03.2024

Accepted on 15.04.2024

Информация об авторе:**Флоря Борис Николаевич**

доктор исторических наук, член-
корреспондент Российской академии наук,
зав. отделом
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0779-2488
E-mail: ritlen@mail.ru

Information about the author:**Boris N. Florya**

DSc. (History), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0779-2488
E-mail: ritlen@mail.ru